

Петербург Анны Ахматовой

*...Но нам священный град Петра
Невольным памятником будет.*

Это был ее город, город ее радостей и страданий, обретений и утрат — «пышный гранитный город славы и беды». В скупых дошедших до нас прозаических страничках Ахматова пишет: «Петербург я начинаю помнить очень рано — в 90-х годах. Это в сущности Петербург Достоевского...» Ей было важно, что она застала город таким, каким его знал Достоевский:

*Торгуют кабаки, летят пролетки,
Пятиэтажные растут громады
В Гороховой, у Знаменья, под Смольным...*

*Темнеет жесткий и прямой Литейный.
Еще не опозоренный модерном,*

*И визави меня живут Некрасов
И Салтыков...*

Для Ахматовой это город славных литературных традиций. Она живо чувствует «соседство» с Достоевским, Некрасовым, которых она хорошо знала и любила. Это делается особенно понятным, если вспомнить ее отношение к прошлому: «Как в прошедшем грядущее зреет, / Так в грядущем прошлое тлеет».

Но еще важнее то, что это город Пушкина. Ему она посвящала стихи, как вдумчивый ученый изучала его творчество. А судьбу его, естественно связывала с Петербургом: «Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое... Про великолепные дворцы и особняки говорят здесь бывал Пушкин, или здесь не бывал Пушкин...»

Но для Пушкина это не только город особняков и дворцов. Так же, впрочем, как и

для Ахматовой. Когда читаешь исследование Ахматовой «Пушкин и Невское взморье», представляется не только остров Голодай, где Пушкин искал могилы казненных декабристов. Думается об Ахматовой, о ее прогулках с Л.К.Чуковской по северо-восточным пригородам Ленинграда в районе Бернгардовки, где они искали место гибели и захоронения Гумилева.

Теперь, благодаря работе петербургского «Мемориала», мы можем утверждать, что место расстрела и захоронения расстрелянных 25 августа 1921 г. ближе к городу, чем искала Ахматова. Это территория Ржевского артиллерийского полигона, то есть между поселками Старое Ковалево и Приютино. Полигон выходит к Рябовскому шоссе, одному из участков легендарной Дороги жизни в 1941-43 годах.

Столько друзей Ахматовой погибли, не оставив после себя даже того клочка земли, куда можно принести цветы и несуетно подумать об оставленной светлой памяти, что, конечно, ее мучило. «Непогребенных всех — я хоронила их. / Я всех оплакала, а кто меня оплачет?»

Из близких ей петербуржцев назовем Гумилева и Пунина, Мандельштама и Гукковского. Список можно во много раз удлинить, особенно если к жертвам террора прибавить жертв блокады. Поэтому в стихах Ахматовой неоднократно упоминаются городские кладбища — Смоленское и Волково. «...на ветхом цоколе дворянская корона / И ржавый ангелок сухие слезы лет...» — как знак «благополучного» естественного конца; и масштабы блокадных утрат, когда она может рыдать «над безмолвием братских могил» Волкова кладбища. (О Левашовской пустоши, где покоится около 40 тысяч жертв сталинского террора, еще и слыхом не слыхивали.)

Для Ахматовой квинтэссенцией всех лучших культурных достижений народа и всех его бедствий были события, происходившие в этом городе. В нем растворился и ее личный трагический опыт.

Ее любовь к городу проявляется, в частности, в детальных и конкретных его описаниях. Каждая подробность ей важна. Это тем более интересно, что сама она в повседневной жизни к бытовой «вещной» стороне ее была глубоко равнодушной. Она помнила город 90-х годов: «Это был дотрамвайный, лошадиный, коночный, грочующий и скрежещущий, лодочный, завешанный с ног до головы вывесками, кото-

А.Ахматова. Худ. Н.Хлебникова. 1930.

Фонтанный дом (наб. Фонтанки, 34).

рые безжалостно скрывали архитектуру домов... Внутри Гостиного двора тучи голубей, в угловых нишах галерей большие иконы в золоченых окладах и неугасимые лампы. Нева в судах. Много иностранной речи на улицах...»

Откликаясь на вышедшие в конце 50-х годов «Записки старого петербуржца» Л.Успенского, она по поводу некоторых неточностей пишет с нескрываемым возмущением: «Как странно, что уже через 40 лет можно выдумывать такой вздор. Что же будет через сто?.. Глазам не веришь, когда читаешь, что на петербургских лестницах всегда пахло жженным кофе. Там часто были высокие зеркала, иногда ковры. Ни в одном петербургском доме на лестнице не пахло ничем, кроме духов проходивших дам и сигар проходивших господ».

Продолжая полемику с автором, который «вероятно, имел в виду так называемый «черный ход» (ныне в основном ставший единственным) — там действительно могло пахнуть чем угодно, потому что туда выходили двери из всех кухонь. Когда стряпали что-нибудь пахучее, кухарки отворяли двери на черную лестницу — «чтобы выпустить чад» (это так называлось), но все черные лестницы пахли, увы, чаще всего кошками».

Она помнит и перечисляет звуки в петербургских дворах, дымки над крышами: «Ветер душный и суровый / С темных крыш сметает гарь...» Она помнит, что колокольный звон заглушался звуками города, а барабанный бой, пишет она, всегда напоминал казнь. «Санки с размаху о тумбу на горбатых мостах, которые теперь почти лишены своей горбатости». И воскрешая в «Поэме без героя» Петербург 10-х годов: «И валились с мостов кареты...»

«Последняя ветка на островах всегда напоминала мне японские гравюры... Зато ка-

кой был запах мокрой кожи в извозчицкой пролетке с поднятым верхом во время дождя. Я почти все «Четки» сочинила в этой обстановке». Она перечисляет конкретные места города и связанные с ними события. Это Михайловский замок «и те два окна, которые остались такими же, как в 1801 г., и казалось, что за ними еще убивают Павла, и Семеновские казармы, и Семеновский плац, где ждал смерти Достоевский... Летний... Первый — благоуханный, замерший в июльской неподвижности, и второй — под водой 1924 г.» — «Где статуи помнят меня молодой, / А я их под невьюско помню водой...» — и снова Летний, «изрезанный зловонными рвами-щелями (1941)».

Ахматовские описания города — не моментальные снимки, а делящаяся жизнь, где события прошлого разворачиваются в исторической последовательности.

Остается только горько сокрушаться, что не сохранились рукописи, в которых отразилось ее увлеченное изучение городской архитектуры и истории.

Она любила показывать гостям, особенно москвичам, знаменитые ансамбли города с какого-нибудь непривычного места, чтоб по-новому дать почувствовать его красоту, и искренне радовалась и любовалась сама.

Она помнила и переживала все перемены в жизни и в облике города как свои личные. В день вступления России в Первую Мировую войну Петербург стал для нее «городом печали и гнева». «...На дикий лагерь похожим / Стал город пышных смотров, / Слепило глаза прохожим / Сверканье пик и штыков. / И серые пушки гремели / На Троицком гулком мосту...»

И та растерянность, которая охватила город во время революционных событий начала 1917 г., совпавших с поражением на фронте, когда фронт неумолимо приближался в Петроград: «...Когда приневская столица / Забыв величие свое, / Как опьяневшая блудница / Не знала, кто берет ее...»

А в 1920 г. в Петрограде: «Все старые петербургские вывески были еще на своих местах, но за ними, кроме пыли, мрака и зияющей пустоты ничего не было. Сыпняк, голод, расстрелы, темнота в квартирах, сырые дрова, опухшие до неузнаваемости люди. Догнивали знаменитые петербургские торцы. Все кладбища были разгромлены. Город не просто изменился, а решительно превратился в свою противоположность...»

Есть у нее описание города в довоенные годы, в дни войны и в послевоенную пору. Если к этим описаниям, касающимся разных эпох, всегда точным, увиденным заинтересованным зорким глазом, прибавить то, что она называла «Петербуржскими ужасами»: смерть Петра, могилу царевича Алексея под лестницей на колокольню Петропавловского собора, убийство Павла, дуэль Пушкина, наводнение 1924 г., дорогу через Литейный мост на Выборгскую сторону с передачами в тюрьму, блокаду, — представляется «фон ее жизни», как сама она признавалась.

Санкт-Петербург

Продолжение следует.

Русская мысль. - Пушкин - 1897 - 10-16 цюля.
- с. 10-11